

УДК 363.637

Елена Григорьевна Дьякова

доктор политических наук,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург
(343) 257-77-85, ms_urfo@bk.ru

**«ИНФОРМАЦИОННОЕ НЕРАВЕНСТВО»
КАК ЛЕГИТИМНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА:
КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В РАМКАХ
«БОЛЬШОГО НАРРАТИВА»**

В статье обосновывается, что «информационное неравенство» изначально возникает как *легитимированная* социальная проблема и попадает в сферу действия больших государственных нарративов. Автор отмечает, что в России эта проблема также конструируется почти исключительно усилиями государства, а запрос граждан в сфере информационно-коммуникационных технологий только начинает формироваться и осознаваться.

Информационное неравенство, конструирование социальных проблем, цикл социальной проблемы, легитимация, «большой нарратив», «риторика американской мечты», «риторика равенства», развитие информационного общества в России.

Теория конструирования социальных проблем исходит из того, что они являются не объективно существующими социальными дисфункциями, которые приводят общество в неравновесное состояние (как трактует их функционализм), и тем более не проявлением и следствием классовых и иных социальных противоречий (подход, характерный для марксистской социологии), а результатом борьбы за право субъективного определения социальных условий как проблемных. Основоположники конструкционистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз определяли социальные проблемы как «деятельность индивидов или групп по выражению недовольства и выдвиганию утверждений-требований относительно некоторых предполагаемых условий» [8, с. 161]. Ключевым в данном определении является понятие «утверждений-требований», то есть риторики требовательного характера в публичном пространстве. Вопрос о том, существует ли условие, относительно которого выдвигаются требования, в разных направлениях конструкционизма решается по-разному. С точки зрения феноменологического конструкционизма, он должен быть «заклучен за скобки» и подвергнут редукции, чтобы

избежать риска соскальзывания в объективизм и эссенциализм. С точки зрения контекстуальной версии конструкционизма, необходим анализ социального контекста возникновения риторики требовательного характера при четком осознании того, что она не сводима к этому контексту.

Конструкционистский подход в обеих его версиях помещает в центр внимания вопрос о том, кто является субъектом конструирования проблемы, то есть чьи утверждения-требования превращают ее в предмет общественного внимания. Согласно классической модели, конструирование социальной проблемы начинается с того, что определенная группа (группы) заявляет, что некое существующее условия является вредным, оскорбительным, нежелательным и пытается сделать его предметом общественного внимания. Затем происходит легитимация данной группы со стороны официальных институтов, что предполагает официальную реакцию и поиски путей решения проблемы и может породить новый цикл, связанный с недовольством представителей группы-инициатора бюрократическим подходом к решению проблемы, и даже отказ группы от участия в деятельности официальной организации и разворачивание параллельных институтов решения проблемы [8, с. 163].

Следует учесть, что конструирование социальных проблем происходит в условиях жесткой конкуренции за доступ к публичному пространству. Как сформулировано в теории публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, общественное внимание и пропускная способность СМИ являются ограниченными ресурсами, и поэтому далеко не все утверждения-требования доходят до стадии легитимации и превращаются в «реальные» социальные проблемы.

Особый интерес с точки зрения социального конструкционизма представляет собой процесс появления новых, нетрадиционных социальных проблем. Как показал Д. Лозик, ни одна проблема не может быть сконструирована как абсолютно новая, так как «совершенно новые утверждения-требования могут быть безуспешными, если аудитория не обладает категориями, позволяющими их понять» [13, с. 93]. Поэтому при выдвижении новой проблемы используются две основные дискурсивные стратегии: конструирование ее как частного случая или следствия уже существующей проблемы или расширение содержания категории, обозначающей уже известную социальную проблему, чтобы включить в нее новые утверждения-требования.

Проблема «информационного неравенства» (в более жесткой риторической формулировке – «цифрового раскола») относится к числу новых социальных проблем. Под «информационным неравенством» понимается неравенство в доступе к современным информационно-коммуникационным технологиям. Обычно оно рассматривается как проявление и частный случай социального неравенства, поскольку «пораженными в информационных правах» оказываются

прежде всего социальные низы, в том расширительном толковании, какое дает этому понятию постмарксистская социология (где акцент делается не на традиционном классовом неравенстве, а на сексизме, расизме, эйджизме и т.п.). В связи с этим логично было бы предложить, что субъектом утверждений-требований об информационном неравенстве являются некие институты гражданского общества, которым удалось пройти стадию легитимации, а сама она формулируется в рамках традиционной левой «риторики равенства».

Однако это не так. На самом деле понятие «цифровой раскол», было сформулировано в 1996 г. вице-президентом Соединенных Штатов Америки А. Гором в так называемом «Докладе Клинтона-Гора» в Ноксвилле, причем в основе его выступления лежала отнюдь не «риторика равенства», а традиционная «риторика американской мечты». Выступая в Университете штата Теннесси в ходе предвыборной кампании, Гор заявил: «Мы бросили вызов нации, чтобы убедиться, что наши дети никогда не будут разделены цифровым расколом. И Америка ответила на этот вызов» [20]¹. Затем Б. Клинтон, представленный как «лидер, который стремится сделать так, чтобы каждый ученик и каждая семья в Америке получили возможность участвовать в нашем беспредельном технологическом будущем», в речи, перегруженной традиционными тропами, повторил: «Может возникнуть огромный цифровой раскол. Если мы не распространим как можно шире развивающиеся знание и технологию, они могут начать работать на усиление неравенства, напряженности и тревоги людей. Но если мы будем поступать правильно, они станут великой силой, которая поможет нам ответить на вызовы [времени] и соединенными усилиями защитить наши ценности» [20].

Речь Б. Клинтона была смоделирована в лучших американских риторических традициях по образцу знаменитых речей Дж. Кеннеди о «Новом Фронтире», начиная с самой первой, на конвенте Демократической партии в 1960 г. Тогда Кеннеди также говорил о вызове, стоящем перед нацией и необходимости на него ответить, о том, что за границами Нового Фронттира «лежат неизведанные пространства науки и космоса», и ставил тот же вопрос о ценностях: «Может ли выжить нация, организованная и управляемая так, как наша? Это и есть главный вопрос. Хватит ли нам выдержки и воли? Сможем ли мы пройти испытание веком, который стал свидетелем прорыва не только в оружии массового уничтожения, но и гонке за владычество над небом и дождем, океаном и его приливами, глубинами космоса и глубинами человеческого разума?» [14].

¹ «We challenged the nation to make sure that our children will never be separated by a digital divide. And America has responded to that challenge». Адекватно перевести эту фразу чрезвычайно сложно, что косвенно доказывает глубокую укорененность риторики вызова и ответа на вызов в американской культуре.

Дж. Кеннеди считал нужным дополнить свой гимн научно-техническому прогрессу ссылкой на фразу пророка Исаии об «обновлении в силе»¹, возвращаясь к базовому для американской традиции мифу о «Городе на холме» и «Новом Иерусалиме», созданном свободными и ответственными только перед собой и Богом индивидами на основе договорных отношений. Б. Клинтон уже не нуждался в библейских аллюзиях, однако очевидно, что «цифровой раскол» в его речи является частью большого американского нарратива «ответа на вызов», в рамках которого достижения в научно-техническом прогрессе – еще один способ подтвердить достоинство нации в соответствии с протестантской доктриной успеха как избранности Богом².

Как и следовало ожидать, рамки, в которых легитимируется проблема «цифрового неравенства», при перемещении из Америки в Европу сдвинулись, и в свои права вступил левый дискурс «равных возможностей», который до определенной степени (но далеко не до конца) вытесняет риторику вызова. Как показали К. Паувельс и Ж.-К. Буржельман, конструирование «европейского пути к информационному обществу» и преодоления «цифрового неравенства» осуществлялось и продолжает осуществляться на пересечении дискурса «глобализации и либерализации» и левого дискурса «информационного общества для всех». Основания последнего были заложены в так называемом «Докладе Бангеманна» 1994 г., ставшем своеобразной Библией или мантрой в документах Европейской комиссии, касающихся очень широкого набора индустриальных и социальных инициатив [18, с. 40]. Но ориентировались ли творцы «Электронной Европы» на то, что рынок сам решит проблему «информационного неравенства», или же рассуждали о необходимости «сделать новое общество знаний обществом для всех», подчеркивая, что, делая акцент на всеобщем цифровом включении, Европейская комиссия стремится отделить европейский подход к информационному обществу от того, который существует в других частях света [18, с. 42]. Они исходили из убеждения, что проблема информационного неравенства – это проблема физического доступа, так что для его

¹ «Надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья, как орлы, потекут, но не устанут, пойдут, но не утомятся», Ис. 40:31.

² Ср.: Те, кто были перед нами, добились, чтобы эта страна первой использовала достижения индустриальной революции, достижения современного изобретательства, достижения победы над атомом, и это поколение не собирается оставаться позади в космический век. Мы намерены стать его частью – мы намерены его возглавить... Мы решили отправиться на Луну. Мы решили отправиться на Луну в этом десятилетии и совершить многое другое не потому, что это легко, но потому, что это трудно, потому что это потребует всей нашей энергии и мастерства, потому что мы готовы принять этот вызов, не собираемся его избегать и намерены выиграть, и все остальные вместе с нами – тоже [12]. В настоящее время предметом вызова стали не роботы и ракеты, а компьютеры и Интернет, но это не повлияло на структуру большого нарратива.

преодоления достаточно создать технологическую инфраструктуру. Иными словами, решение проблемы информационного неравенства виделось в рамках применения соответствующих информационно-коммуникационных технологий как торжество научно-технического прогресса, или, если воспользоваться выражением Дж. Кеннеди, «энергии и мастерства». Создатели европейской модели информационного общества были отнюдь не чужды логики «ответа на вызов», однако в их интерпретации она практически утратила американские мессианские обертоны и превратилась в стремление не отстать от США и Японии по темпам научно-технического прогресса.

Однако «информационное неравенство» не сводится только к отсутствию доступа к компьютерам и Интернету: мало обеспечить доступ, необходимо, чтобы люди могли этим доступом воспользоваться. Осведомленность и квалификация в сфере современных информационных технологий – это социальный навык, который стремительно становится «навыком всеобщего распределения», таким же, как умение читать и писать на родном языке. Следует учесть, что за неравенством по уровню компьютерной/информационной грамотности населения скрываются еще как минимум два тесно связанных между собой аспекта информационного неравенства. Во-первых, это проблема отсутствия мотивации, когда люди не хотят пользоваться информационно-компьютерными технологиями, хотя и имеют такую возможность. Во-вторых, информационное неравенство порождается еще и недостаточностью контента: отсутствие мотивации зачастую объясняется именно тем, что люди не могут найти в Интернет-пространстве то, что им нужно, или получить нужные услуги.

Именно эти аспекты информационного неравенства оказались в центре публичного обсуждения, инициированного институтами гражданского общества Европейского Союза, которые широко использовали возможности, предоставляемые дискурсом «информационного общества для всех» и «всеобщего цифрового включения». Так, было заявлено, что за отсутствием мотивации часто скрывается невежество, страх или нехватка средств [19, с. 24].

Однако пока попытки общественной, неофициальной легитимации проблемы «цифрового неравенства» не увенчались особым успехом. Это убедительно показал осуществленный в 2006 г. группой европейских ученых под руководством Яна Сервэ и Нико Карпентье анализ первого этапа Всемирной встречи по информационному обществу, завершившегося в Женеве в 2003 г. На этой встрече была впервые сделана попытка объединить в едином публичном пространстве государственные и общественные структуры, что сразу породило ситуацию взаимного непонимания, вызванную принципиальной разницей риторических требований.

Всемирная встреча по информационному обществу стала первым международным саммитом, на котором был применен так

называемый «акционерный подход» («multi-stakeholder approach»): сделана попытка собрать вместе представителей государственной власти, бизнеса и гражданского общества для выработки общей перспективы будущего информационного общества. Однако гражданские активисты с самого начала жаловались, что процедура отбора и участия как в самой Всемирной встрече, так и к подготовительным мероприятиям к ней, крайне бюрократизирована, а само участие сведено к роли наблюдателей, так что возможности высказать свою позицию у них практически нет. Например, хотя гражданские активисты с помощью внутреннего голосования выбрали для выступления на пленарном заседании представителей Кении и Бразилии, оргкомитетом было принято решение, что выступать будет глава Мирового общества слепых. Дошло до того, что примерно 50 некоммерческих организаций попытались организовать в Женеве альтернативную Встречу («WSIS? We Seize!»).

Впрочем, как показал анализ подготовленных к Встрече и самой Встречи документов, главная проблема была связана не с доступом, а с представлениями о том, каким должно быть информационное общество [17]. Гражданские активисты вначале вообще были склонны игнорировать вопрос о том, кто и каким образом будет заниматься развитием информационного общества, и ограничивались простыми декларациями о необходимости преодоления информационного раскола и равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям. Однако в процессе работы гражданским активистам удалось прийти к консенсусу по вопросу о том, каким образом должны управляться процессы информатизации, что позволило принять «Декларацию гражданского общества», отражающую взгляды представителей гражданского общества на глобальную информатизацию. Если представители государственных структур, участвовавших во Встрече, стремились как можно четче описать уровни управления и основных агентов информатизации (включая неправительственные организации), взаимодействующих на международном и региональном уровнях, и делали акцент на эффективности их деятельности, то в «Декларации гражданского общества», наоборот, просматривалась тенденция к тому, чтобы сделать информатизацию «общим делом», в котором должны участвовать «все», и акцент делался именно на полноте участия, на диалоге и на возможности влиять на принятие решений (табл. 1¹).

¹ Следует подчеркнуть, что речь идет об активистах европейских общественных организаций. Представители «третьего мира» делали акцент исключительно на обязанности развитых стран содействовать развитию информационной инфраструктуры путем безвозмездного выделения соответствующих средств, а также осуждали монополию ICANN на регулирование Интернета как проявление культурного империализма. Краткое описание их позиции (см. [6], проверено 206

Таблица 1

Семантические поля итогового документа ВВУИО (Женева, 2003) и Декларации гражданского общества¹

Итоговый документ ВВУИО	«Декларация гражданского общества»
Различные уровни взаимодействия Международный и региональный уровень Развитые и развивающиеся страны Правительства Рынок Конкуренция Эффективность Сотрудничество	Участие всех секторов Предоставление новых возможностей всем Участие в принятии решений Прозрачность Ответственность Подотчетность перед гражданами Партнерство Регулирование на глобальном уровне

Таким образом, когда речь идет о «цифровом включении», европейское государство и европейское гражданское общество говорят на разных языках: в первом случае подразумевается включение граждан в технологическую инфраструктуру, во втором – участие в принятии решений (мы не будем рассматривать вопрос о том, насколько реален в современных условиях переход к прямой демократии).

В целом можно сделать вывод о том, что цикл конструирования проблемы «информационного неравенства» носит обратный характер по сравнению с классическим циклом, описанным в социальном конструкционизме: конструирование движется от государственной легитимации к общественной, а не наоборот. «Цифровой раскол» изначально возникает как *легитимированная* социальная проблема и попадает в сферу действия больших государственных нарративов, на базе которых различные социальные силы стремятся отстаивать свои позиции и предложить свои пути ее решения данной проблемы. При этом действует описанный Дж. Кингдоном механизм, когда не проблемы порождают решения, а существующие решения ищут проблемы, к которым они могли бы быть приложены: «решения и проблемы имеют равный статус в качестве самостоятельных потоков внутри системы, и популярность определенного решения в определенный промежуток времени часто влияет на то, какие проблемы станут предметом рассмотрения». Какие проблемы в результате все-таки будут решены, зависит от того, насколько совпадут между собой проблемы, решения и случайные возможности в «мусорном ящике», которым, по определению Дж. Кингдона, являются правительственные структуры [16, с. 91]. Конкретные решения, направленные на преодоление «информационного неравен-

01.04.2008). Особенно характерно замечание противника данной позиции о том, что «те, кто предлагает, чтобы Интернетом ведали *все* государства под эгидой, например, ООН, апеллируют к отсутствующей структуре. А такая структура абсолютно необходима для обсуждения массы проблем, в том числе технических: архитектуры, стандартизации, технологического обновления».

¹ Таблица составлена на основе [14, с. 63].

ства» могут быть самыми разнообразными (и достаточно успешными), однако в их основе будет лежать логика «ответа на вызов» и вера во всемогущество научно-технического прогресса, дары которого в конечном счете окажутся доступными для всех. По справедливому замечанию Паувельс и Буржельмана, то, что первоначально позиционировалось как источник радикальных социальных перемен превратилось в конце концов в «бизнес как обычно», но только с максимально широким и активным использованием информационно-коммуникационных технологий [18, с. 49].

Ситуация, сложившаяся в России, в этом плане вполне типична и ничем не отличается от общемировой. Тревогу об отставании страны в сфере информационно-коммуникационных технологий забила именно государственная власть. Уже в 1983 г. была разработана общегосударственная программа по развитию средств вычислительной техники и АСУ до 2000 г. По указанию М.С. Горбачева и «в связи с необходимостью отражения в ней средств персональной информатики» [2] разрабатывалась «Концепция информатизации СССР», породившая принятую в 1990 г. «Концепцию информатизации России»¹. Все эти меры лежали вполне в русле общей советской политики в сфере использования информационно-коммуникационных технологий, которая традиционно строилась под лозунгом «Догнать и перегнать!» и может считаться образцом (неудачной) догоняющей модернизации².

Впрочем, к началу 1990-х гг. ситуация в сфере информатизации казалась совершенно безнадежной: несмотря на многомиллиардные суммы, потраченные во второй половине 1980-х гг. для «встраивания» Советского Союза в зарождающееся информационное общество, новые заводы, предназначенные для производства персональных компьютеров и комплектующих, в постсоветскую эпоху оказались заброшены, а отечественные разработки в области микроэлектроники – неконкурентоспособны.

Рассуждения о «нашем беспросветном отставании по всем направлениям» [5] превратились в общее место. Если бы в то время уже сложилась концепция «информационного неравенства», Россия уверенно была бы отнесена к «информационно бедным» и не имеющим никаких шансов выйти из этого состояния странам. Следует отметить, что риторика «беспросветного отставания» оказалась

¹ Разработана рабочей группой Комиссии Президиума Совета Министров РСФСР по научно-техническому развитию и информатизации во исполнение распоряжения Совета Министров РСФСР от 30 октября 1990 г. № 1259-р.

² Об истории создания и использования компьютеров в СССР см. напр.: Очерки истории информатики в России / Сост. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет. Новосибирск: Наука, 1988. Более поздние, постсоветские оценки этого этапа развития ИКТ даны в Истории информатики в России: Ученые и их школы / Сост. В.Н. Захаров, Р.И. Подловченко, Я.И. Фет. М.: Наука, 2003. Подчеркивается, что неудача объяснялась косностью партийного руководства, а также неспособностью существовавшей системы управления экономикой к усвоению нового. Более глубокий анализ причин кризиса советской компьютерной отрасли с позиций теории дискурса дан в [10].

очень устойчивой. Еще в 1995 г. авторы популярного учебника по социальной информатике уверенно писали о том, что «сегодня в России идет процесс разрушения складывавшихся предпосылок информатизации, соответствующих классическому подходу к информатизации общества. Необходимы неординарные решения, позволяющие преодолеть технологическое отставание России от передовых стран мира» [2]¹, а в статье, размещенной в 2001 г. в Интернет-издании «Газета.ру», автор с удовольствием рассуждал о том, что «Интернета в России практически нет» [1]. Впрочем, подобные рассуждения вполне ложатся в структуру так называемого «народнического дискурса», отказывающегося видеть в стране что-либо, кроме «разрухи»².

В реальности ситуация начала быстро меняться, причем почти исключительно стихийно, усилиями бизнеса. Информатизация России пошла совсем не тем путем, который намечался в амбициозных государственных программах советских времен. Тем не менее ее успехи оказались весьма впечатляющими: за 10 лет, с 1996 г., число пользователей Интернета возросло на порядок, и к весне 2008 г. достигло 40 миллионов человек. Важнейший барьер в 10 компьютеров на 100 человек населения был преодолен еще в 2004 г.

Однако границы «информатизации снизу» за последние десять лет обозначились достаточно четко: она охватывает в первую очередь мегаполисы и постепенно распространяется на менее крупные города. Очевидно, что ее было необходимо дополнить «информатизацией сверху», направленной на преодоление информационного неравенства прежде всего в его территориальном аспекте. Важным шагом, свидетельствующим о том, что государство приступило к конструированию, а значит и решению проблемы «информационного неравенства», стало принятие в январе 2002 г. Федеральной целевой программы «Электронная Россия» (2002–2006 гг.)³. Авторы этой программы исходили из того, что решение проблем информатизации страны в приемлемые сроки невозможно только за счет использования существующего рыночного механизма и требует государственной поддержки. Недостаточное развитие

¹ Авторы рекомендовали «активный поиск конструктивных решений социальных проблем на основе симбиоза «левополушарных» и «правополушарных» механизмов коммуникации. В мире господствует западный, рассчитанный на рациональное восприятие вариант информатизации. Россия же – «правополушарный» регион и грамотный учет этого обстоятельства может позволить стране резко увеличить темпы информатизации, своим путем догнать передовые в информационном отношении страны» (там же). Как видим, преодоление информационного неравенства может мыслиться в рамках своеобразной славянофильской интерпретации М. Маклюэна.

² Подробнее [см.: 9].

³ В 2006 г. программа ФЦП «Электронная Россия» с учетом накопленного опыта получила новую редакцию, причем упор был сделан на информатизацию государственного управления. См. описание ФЦП «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) на официальном сайте Министерства информации и связи РФ // URL: http://www.inforegion.ru/ru/main/government/federal_program_erussia/

современных информационных технологий в России, по их мнению, объяснялось прежде всего отставанием с их применением в области государственного управления и неготовностью органов власти всех уровней к использованию этих технологий в процессе взаимодействия с гражданами. Именно это отставание и создавало барьер для ускоренного распространения новых коммуникативных технологий в российском обществе.

Таким образом, авторы программы «Электронная Россия» использовали традиционный российский государственный дискурс, исходящий из того, что модернизация любой сферы жизни может быть осуществлена в России только путем активного вмешательства государства. Основная цель программы «Электронная Россия» сформулирована именно с этих позиций: «повышение эффективности функционирования экономики и государственного управления на базе информационно-компьютерных технологий, реализация технологических предпосылок для развития гражданского общества за счет обеспечения прав на свободный доступ к информации»¹.

Сам факт появления федеральной программы «Электронная Россия» свидетельствует о том, что информационная революция в России перестала быть стихийным процессом, осуществляющимся под давлением внешних факторов (вхождения России в мировую экономику). Информатизация стала важнейшим элементом государственной политики и обрела первоначальную легитимацию путем использования тропа «повышения эффективности», заимствованного из советского «киберяза» в его поздней брежневской версии². Однако настоящий прорыв в данной сфере произошел с утверждением Президентом РФ «Стратегии развития информационного общества в России». Это произошло 7 февраля 2008 г., а уже 8 февраля В.В. Путин выступил на расширенном заседании Государственного Совета с докладом «О стратегии развития России до 2020 года». «Стратегия развития информационного общества» была вписана в более глобальную стратегию развития страны на основе модернизационных тропов: «улучшение качества жизни» и «инновационное развитие». Таким образом, можно говорить о завершении легитимации проблемы информационного неравенства и включении ее в общегосударственную повестку дня.

В «Стратегии развития информационного общества России» проблема информатизации была переведена на язык конкретных контрольных значений. Так, согласно Стратегии, к 2015 г. доля государственных услуг, которые население может получить с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, от обще-

¹ См. описание ФЦП «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) на официальном сайте Министерства информации и связи РФ // URL:

http://www.inforegion.ru/ru/main/government/federal_program_erussia/

² О взаимодействии «киберяза» с официальным советским «новоязом» [см.: 10, с. 253-293].

го числа государственных услуг в Российской Федерации должна достигнуть 100%, а доля электронного документооборота между органами государственной власти – 70% по отношению к общему объему документооборота. В дальнейшем эти контрольные значения были еще более конкретизированы, так что в настоящее время поставлена задача к 2010 г. обеспечить все федеральные и региональные органы власти собственными центрами телефонного обслуживания населения, Интернет-сайтами, соответствующими единым требованиям, а также системами управления по результатам.

Итак, государственная стратегия в сфере информатизации уже проработана не только на уровне общих принципов, но и на уровне конкретных решений и регулируется многочисленными подзаконными актами (только в 2007 г. их было принято свыше десятка).

Однако в какой мере успешной является стратегия преодоления «информационного неравенства» сверху? С одной стороны, как показал обзор внедрения информационных технологий в государственное управление в 2007 г., подготовленный компанией CNews Analytics, «органы государственной власти России перешли к масштабному применению информационных технологий не только на федеральном уровне, но и в значительной степени на региональном... Муниципальная информатизация так же набирает обороты, но пока не приобрела столь ощутимых масштабов и интенсивности, как в администрациях субъектов Федерации» [3].

С другой стороны, несмотря на наличие Федеральной целевой программы «Электронная Россия» Концепции региональной информатизации (утверждена в 2006 г.) и «Стратегии развития информационного общества в России», процессы информатизации продолжают оставаться локальными: сохраняется разобщённость систем в плане стандартов на функциональность и на технологию. Как неоднократно отмечали аналитики Министерства экономического развития и торговли РФ, реализация федеральной целевой программы «Электронная Россия» осуществляется на региональном уровне весьма неравномерно, и зачастую приводит к неоправданно высоким затратам и низкой эффективности¹. Все эти проблемы вполне традиционны для отечественной модернизации: они же вызывали тревогу и раздражение у академика Глушкова и других советских кибернетиков, стремившихся внедрить автоматизированные системы управления в деятельность советских министерств и ведомств. Традиционный государственный дискурс служит как бы «зонтиком», позволяющим различным группам влияния ставить и достигать свои цели. В рамках этого же «зонтика» работают разнообразные общественные организации, представляющие (факти-

¹ Высказываются даже опасения, что неконтролируемое развитие локально внедренных систем может привести к возникновению конфликтов в информационной и функциональной инфраструктуре Российской Федерации.

чески лоббирующие) интересы IT-бизнеса. Например, учрежденный в феврале 2007 г. «Союз IT-директоров России» видит свои задачи прежде всего в повышении статуса IT-директоров путем привлечения их к участию в государственных проектах по информатизации и установления диалога по всем направлениям развития информационно-коммуникационных технологий с крупными поставщиками продуктов и услуг, а также с интеграторами и консультантами [7]. Нетрудно заметить, что гражданам в этих задачах места просто не нашлось.

В результате государственная политика в сфере информатизации практически не ориентирована на запросы общества, а участие институтов гражданского общества в решении проблем информатизации носит даже не лоскутный, а «очаговый» характер.

Российский «третий сектор» пока находится в стороне от информационной революции. Это не означает, что общественные организации, занимающиеся проблемами информатизации, вообще отсутствуют, однако большинство таких организаций существуют при соответствующих государственных структурах (прежде всего при Министерстве информации и связи Российской Федерации) и работают в рамках все того же дискурсивного «зонтика», не пытаясь дать ему самостоятельную интерпретацию. Исключение составляют такие организации как Институт развития свободы информации (г. Санкт-Петербург) или Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», чья деятельность сильнее ориентирована на европейский дискурс «информационного общества для всех» и «цифрового включения». Однако в целом институты гражданского общества в России явно отстают от органов государственной власти в вопросах легитимации проблемы «информационного неравенства». Об этом свидетельствует таблица 2, где показана представленность общественных организаций разных стран на Женевской Встрече по информационному обществу [9, с. 31]. Как видно из табл. 2, хуже, чем «третий сектор» Восточной Европы (включая Россию), был представлен только «третий сектор» Океании.

Таблица 2

**Представленность общественных организаций
на Женевской встрече по информационному обществу (2003 г.)**

Регионы	Количество организаций	% от общего числа представленных организаций
Всего	3 205	100
1. Западная Европа	1977	62
2. Восточная Европа, включая Россию	26	1
3. Северная Америка	599	19
4. Латинская Америка	86	3
5. Африка	204	6
6. Арабский мир	165	5

Дьякова Е.Г. «Информационное неравенство» как легитимная социальная проблема: культурные различия в рамках «большого нарратива»

7. Океания	4	< 1
8. Другие	6	< 1

За последние годы ситуация несколько улучшилась, однако проблема информационного неравенства пока конструируется в нашей стране почти исключительно усилиями государства, соответственно и меры по ее решению предпринимает также только государство, что накладывает вполне определенный отпечаток на результаты. Запрос граждан в сфере информационно-коммуникационных технологий только начал формироваться и осознаться, так что пока в цикле существования социальной проблемы отсутствует важнейшее звено – она так и не превратилась в предмет публичного обсуждения, что содействует ее ускоренной фрагментации, но препятствует эффективному снятию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Галицких Г.* Интернета в России практически нет [Электронный ресурс]. «Газета.Ru», 1 сентября 2001 г. – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/2001/01/09/internetavro.shtml> (проверено 1.04.2008).
2. *Дубровский Е.Н., Соколова И.В.* Основы социальной информатики [Электронный ресурс]. М., Наука, 1995. – Режим доступа: http://www.history.ru/index.php?option=com_ewriting&Itemid=0&func=chapterinfo&chapter=29851&story=21342 (проверено 1.04.2008).
3. Информационные технологии в органах государственной власти в 2007 г. Обзор подготовлен компанией CNews Analytics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/free/gov2007/?print> (проверено 1.04.2008).
4. Концепция информатизации России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cplire.ru/koi/os/3_1/1.htm (проверено 01.04.2008).
5. *Лесков С.* ЭВМ: роскошь или панацея? // Известия, 1991. 23 июня.
6. «Противопоставить американскому соло беспорядочный хор народов – это не решение» [Электронный ресурс]. Ежедневный информационно-аналитический журнал «GlobalRus.ru» – Режим доступа: <http://potrebности.globalrus.ru/pragmatics/779440/> (проверено 1.04.2008).
7. *Семенов А.* Учредительный съезд Союза ИТ-директоров [Электронный ресурс]. Журнал «CIO», № 10, 21.03.2007. – Режим доступа: <http://offline.cio-world.ru/2002/9/311692/> (проверено 1.04.2008).
8. *Спектор М., Китсьюз Дж.* Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II. Казань, Изд-во Казанского гос. ун-та, 2001. С. 159-182.
9. Стратегия развития информационного общества в России, 2007 [Электронный ресурс]. «Российская газета», 16 февраля 2007 г. – Режим доступа: www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html (проверено 1.04.2008).
10. *Трахтенберг А.Д.* Рунет как публичная сфера: хабермасианский идеал и реальность // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. С. 299-306.
11. *Cammaerts B., Carpentier N.* The Unbearable Lightness of Full Participation in a Global Context: WSIS and Civil Society Participation // Towards a Sustainable Infor-

mation Society. Deconstructing WSIS. Bristol, UK, 2006. P. 17-50. Доступно также на: <http://www.oii.ox.ac.uk/microsites/wsis/events.cfm>

12. *Gerovitch S.* From Newspeak to Cyberspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. 368 p

13. *Loseke D.R.* Thinking About Social Problems: an Introduction to Constructionists Perspectives. N.Y.: Aldine de Gruyter, 1999. 227 p.

14. *Kennedy J.F.*, 1960 Democratic National Convention Acceptance Address [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/jfk1960dnc.htm> (проверено 1.04.2008).

15. *Kennedy J.F.*, 1962 Speech at Rice University in Houston, Texas [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.historyplace.com/speeches/jfk-space.htm> (проверено 1.04.2008).

16. *Kingdon J.W.* Agendas, Alternatives and Public Policies. Boston, Toronto: Little, Brown and Company, 1984. 229 p.

17. *Padovani C., Tuzzi A.* Communication Governance and the Role of the Civil Society // Towards a Sustainable Information Society. Deconstructing WSIS. Bristol, UK, 2006. P. 51-80.

18. *Pauwels C., Burgelman J.-C.* Policy Challenges to the Creation of a European Information Society: A Critical Analysis // The European Information Society: Reality Check. Ed. by J. Servaes. Bristol, UK, 2003. P. 59-86.

19. *Preston P.* European Union ICT Policies: Neglected Social and Cultural Dimensions // The European Information Society: Reality Check. Ed. by J. Servaes. Bristol, UK, 2003. P. 33-58.

20. Remarks by President and VP in Knoxville TN. 1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.clintonpresidentialcenter.org/legacy/101096-remarks-by-president-and-vp-in-knoxville-tn.htm> (проверено 1.04.2008).

RESUME

Elena Grigorievna Dyakova. Doctor of political science. leading researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 257-77-85, ms_urfo@bk.ru.

“Digital Divide” as Legitimate Social Problem: Cultural Differences inside the Great Narrative

The article suggests that from the very beginning “digital divide” has been constructed by the state as a legitimate social problem on the basis of etatist great narratives. The author argues that the state remains the only subject of construction and resolution of “digital divide” problem in Russia Civil society is just at the beginning of realizing its objectives and wishes in the sphere of communicative technologies.

Digital divide, construction of social problems, social problem’s cycle, legitimization, “rhetoric of the American dream”, the egalitarian rhetoric, development of the information society in Russia.

Материал поступил в редколлегию 09.04.2008 г.